

XXI.

Улица Эльвиры Карп. — Вилла «Тамара». — Петр Брок решает идти за адмиралом. — «Я покидаю вас на время...» Улица Берты Бретар. — Проспект Анны Димер

Площадь. Стекланные дворцы вокруг — точно стены гигантского бассейна, на дне которого копошится людская толпа. Невероятно широкие проспекты разбегаются отсюда звездными лучами, теряясь в необозримой дали. Театры, рестораны, кинозалы, музеи, игорные дома, храмы — все из стекла, полуматового, полупрозрачного. Аллея фонтанов и хрустальных статуй, словно бы созданных из воды, — блеснут на мгновение в луче света и вновь исчезнут, как их и не было. А надо всем этим — лазурный стекланный свод с незаходящим солнцем...

УЛИЦА ЭЛЬВИРЫ КАРП

Донна Эльвира была четвертой возлюбленной Великого Муллера

Эти слова, багровой кляксой расплывшиеся по стандартной серебристой табличке на угловом здании, ударили в глаза Броку. Брок запомнил название улицы на всякий случай: вдруг он заблудится в невероятном лабиринте Муллер-дома? Но нет, он не вправе заблудиться! Не спуская глаз с принцессы, он шел за ней по пятам, шаг за шагом. Смотрел на ее стройные ноги в траурном шелке и внезапно ощутил страстное желание коснуться их рукою. Увидел их нагими и рядом, совсем рядом — себя, прозрачного как стекло. Увидел свои невидимые, жадные руки, ласкающие сонное тело... И тут же его охватило презрение к себе. Ведь он же поклялся ей помочь! Да, он к ней прикоснется, но затем только, чтобы она знала о его присутствии! Так он обещал!

Между тем позади оставались проспекты, перекрестки, дворцы. Аллея гигантских кактусов и пальм, цветочные ковры, оранжереи, озера, особняки, обвеваемые веерами финиковых пальм, — все говорило о том, что они очутились в богатых аристократических кварталах.

Вот наконец и коттедж, на фронтоне которого красуется надпись:

Вилла «ТАМАРА»

Старый адмирал поклонился принцессе.

— До свидания, гордая грешница! Я пошел к Муллеру! Молитесь ему, чтоб он был милостив к вам в своем гневе! Его доброта бесконечна...

Брок стоит на пороге, принцесса, не оборачиваясь, поднимается по прозрачным ступеням. Дверь захлопывается, но фигура принцессы еще видна за стеклом. Постепенно очертания ее расплываются и наконец исчезают совсем.

Что делать? — заколебался Петр Брок. Идти за принцессой? Нет! Ей пока опасность не грозит! А этот мерзкий негодяй направляется к Муллеру! Итак, за ним!

Брок быстро вырвал из блокнота листок и написал:

«Принцесса! Я покидаю Вас на время. Некого к себе не пускайте. Держитесь! Меня Вы узнаете по нашему знаку.

Ваш друг».

Он взбежал по лестнице, опустил листок в прозрачный почтовый ящик и устремился

за адмиралом. Догнал его на перекрестке и вдруг испугался: а сможет ли он потом найти эту тенистую улицу? Как она называется?

УЛИЦА БЕРТЫ БРЕТАР

Актриса Берта Бретар бросилась с вершины Муллер-дома от несчастной любви к Великому Муллеру

— было написано на серебряной табличке.

Муллер! Всюду Муллер! Неужели все улицы на этом этаже носят имена его несчастных любовниц? Неужели этот бог так чванлив и мелочен? Но как бы там ни было, надо хорошенько запомнить это название, чтобы не потеряться... Затем они свернули на

ПРОСПЕКТ АННЫ ДИМЕР

которая, судя по надписи на табличке, была сожжена за то, что из ревности к Муллеру убила королеву Гертруду.

Проспект заканчивался дворцом на хрустальных столбах. Широкая лестница, ведущая к нему, казалась черной от множества людей в цилиндрах. На фронте горели красные как кровь неоновые буквы:

БИРЖА

XXII.

Золотой муравейник. — Жирный идол под балдахином. — Хрустальные уста динамика. Техника биржи. — Петр Брок узнает кое-что о себе. — "...скажите еще — социалист..."

Старый сводник остановился у подножия лестницы. Снова расправил складки на брюках, пересчитал звезды на груди и осторожно двинулся вверх по ступенькам. Брок следовал за ним по пятам.

Они вошли в огромный стеклянный зал. Под золотой гроздью матовых шаров кишела черная толпа. Изящная парадная лестница вела на обнесенную балюстрадой галерею. В углу под золотым балдахином в ярко-алом кресле — золотая фигура невероятно толстого, с двойным подбородком, божества. В потолке над ним — выпуклая линза. От нее, как от солнечного диска, расходятся золотые лучи. Может, в это огромное увеличительное стекло чей-то гигантский глаз, как микробов под микроскопом, рассматривает людей.

Толстые ковры гасят звуки шагов, слышен только шорох шелковых фраков, трущихся друг о друга. Лица — как тусклые пятна, лишь поблескивают глаза да белые квадраты манишек, похожие на дверцы, открывающие доступ к механизмам этих черных манекенов, которые начинают двигаться, стоит завести пружину, спрятанную где-то под фалдами. Правые руки взлетают на определенную высоту, тянутся друг к другу и смыкаются, как противоположные полюса магнитов. Толстые пальцы этих рук унизины

золотыми перстнями.

Все кругом в непрерывном движении — однако же пути их никуда не ведут. Люди пробираются в тесноте мимо друг друга, снуют по запутанным кривым, возвращаются, собираются в группки и тут же расходятся.

Доносятся бессвязные слова, гортанный смех, выкрики.

Петр Брок совершенно заблудился в этой сутолоке. И адмирала своего потерял... Он словно попал в муравейник и сам превратился в муравья. Перебегал с места на место, пролезал, подлезал, слушал, наклоняясь к черным ключьям бород и ловя несущиеся со всех сторон восклицания.

Лишь немного погодя, когда Брок стал разбирать целые фразы, он понял, что главные сообщения шли из хрустальной трубы, установленной на возвышении напротив входа в углу зала, а на фасадной стене, на белом экране, мельтешили надписи, лозунги, цифры и какие-то странные знаки, которые сквозь хрусталики глаз проникали человеку в сознание, запечатлевались в мозгу.

Только теперь Брок начал догадываться, что собой представляет Огисфер Муллер! Сколь чудовищной силой и властью наделен этот таинственный человек, который находится всюду и нигде! Здесь шел неравный бой муллеровских мулلدоров с нищенскими валютами других стран. Здесь имя его произносилось тысячу раз на дню, тысячью уст. Оно звучало как заклинание, как победный клич, как мольба о пощаде, как хруст костей под кованым сапогом. Линза в потолке была его оком! Микрофон в стене — его ухом! Хрустальный динамик — его устами! Его рука может вдруг высунуться из потолка, сам он может вдруг возникнуть в зеркале...

Как знать, не присутствует ли он здесь в эту минуту — в образе биржевого игрока, маклера или лакея... Никто его не видел, никто не ведает...

Постепенно Петр Брок сориентировался. Напрягая зрение и слух, различил в неистовых выкриках, несшихся из динамика, слова и цифры, которые толпа подхватывала на лету и повторяла, как эхо.

ДИНАМИК. Куплю пятьдесят черных акций...

ЭКРАН. Курс: 29, 30, 31, 32, 33...

ГОЛОСА. Слышите, Муллеру нужен уголь...

ЭКРАН. Курс: 35,36...

ГОЛОСА. Солиум улетучивается...

— Рудокопы бунтуют...

— Дело пахнет революцией...

— Они разрушили лестницу Р...

— Заминировали шахту Б...

— Я предлагаю пятьдесят...

— Держись...

ЭКРАН. Курс: 38,39...

ГОЛОСА. Витек из Витковиц лезет из берлоги...

— Голова еще не вылезла...

— Как вылезет, так и слетит...

— Предлагаю сорок...

ДИНАМИК. Куплено...

ГОЛОСА. Муха проглотила слона...

— Сегодня я миллионер...

— Подождем еще...

— Он с нами играет...

— Стать богаче он уже не в состоянии...

ДИНАМИК. Куплю двадцать тысяч пар рабочих рук...

На экране пляшут цифры биржевых курсов, но Брока это уже не интересует. Он переходит от группы к группе, прислушиваясь к разговорам:

— Черные по два муллдора!
— Муллер берет только белых!
— Я купил желтых, они лучше работают!
— Но быстро изнашиваются!
— Предлагаю белых по пяти муллдоров. Товар из Испании!
— Они тупы и ленивы...
— Французы сноровистее, я выброшу их на рынок, когда поднимется франк...

ДИНАМИК. Куплено...

— Продам пятьдесят вагонов таблеток "ОККА"...

— Товар двести пятьдесят шесть!

— Не требуется! Старые запасы!

— Склады ломаются.

— Неделю назад купил полвагона. Для тысячи ртов на пять лет хватит!

— Да, мсье, таблетки дешевы, зато рты дороги!

— В три месяца вместо завода — лазарет...

— Специфический недуг — высыхание крови...

— Тс-с-с!

— А Индия — кому она говорит спасибо? А? Наши таблетки спасли в голодный год миллионы людей!

— В конце концов любая машина иной раз портится, а людей изготовлять нет нужды!

— Сама природа обеспечивает их перепроизводство!

— Без таблеток, Великий Визирь, в наши дни конкуренции не выдержишь!

— Таблетка — это не пища, это смазка для механизма!

— Голодный, алчный, ленивый, а вдобавок чувствительный механизм! Неужто он себя окупит?

— Строго между нами, Ференц, дикари и те их не жрут, не говоря уж о собаках!

— Я семь лет кормил ими своих патагонцев. Ни один не выжил...

— Тс-с-с!

— С позволения сказать, пан не понимает сути дела... Надо уметь смазывать механизмы... двести пятьдесят — пся крев!

— Господа, они еще упадут в цене!

— Все мы сыты по горло этими таблетками!

— Добрый Муллер еще сбавит цену... для нас, нищих...

ДИНАМИК. Куплю полкилограмма радия...

— Слушайте, слушайте!

— Джентльмены, кто может нынче продать его?

— А зачем он ему нужен, мсье Франк?

— Ему лучи нужны, синьор, хе-хе-хе... (шепотом на ухо) для лечения рака

— тс-с-с!...

— Ему лично?

— Тс-с-с!!!

ДИНАМИК. Продам трон персидского шаха...

— Снова?

— Не удивляйтесь. Кто этого не пробовал...

— Аллану Горру там было весьма не по себе...

— ...народ — он как мокрая тряпка, милорд: чем больше жмешь, тем меньше капает...

— ...я, мистер, просидел в Египте тридцать пять дней за пятнадцать муллдоров... дорогое удовольствие... Поцарствовать мне захотелось. И царем хорошим быть, и денег заработать. Только царь из меня никудышный, а бизнесмен — и того хуже... господи боже...

ДИНАМИК. Сдам в аренду пятьсот шестьдесят четвертый этаж Муллер-дома...

— Ха! За сколько?

— Хоть сейчас беру!

— За сколько?

— Семьсот пятьдесят!

— Нужны помещения для канцелярий...

— Хочу устроить пансионат.

— Нужен склад!

— Начиная с девятой сотни и выше — поверьте, господа! — виден Гаурисанкар!

— Почему бы не поверить, ведь там психушки, ха-ха-ха!

— Тс-с-с!!!

— На вершине Муллер-дома находится огромная подзорная труба. Если Ваше Высочество взглянет в нее на горизонт, то увидит там опять-таки Муллер-дом и себя на его вершине, правда со спины — хи-хи-хи-хи...

— Тс-с-с!!!

ДИНАМИК. Продам звезду К-99 вместе с нынешним урожаем...

— А что за урожай? Огурцы, бананы или, может, помидоры?

— Ишь, заинтересовались, герр Серафин! Неужто думают, что Он соберет урожай, привезет сюда и сунет им под нос?

— Я отведал яблоко со звезды К-84! Их было всего два: одно съел сам Великий Муллер, а второе — я. Этот каприз обошелся мне в триста мулلدоров... Слов нет, чтобы описать его изумительный вкус! Райское наслаждение, Ваша Солнечная Светлость!

— А я. Ваше Высочество, пробовал кинесы со звезды К-74... Они слегка пьянят, словно шампанское, в них есть какой-то звездный алкоголь...

— Кто полетит на эту К-99? Ну, допустим, скуплю я весь урожай. А кому мне потом его сбывать? Самому, что ли, все съесть?

— Я отведаю ядовитого огурчика и пойду, синьор, ладно?

— Тс-с-с!!!

— Еще бы, теперь модно иметь собственную звезду! Представьте себе, дон Ортего-и-Коста, маркиза де ла Рошфуко тоже обзавелась звездой, хи-хи-хи-хи...

— Для нас это мертвый капитал!

— Ну кто рискнет туда полететь, герр Апфельбаум?

— У меня сын на ЗЕТ-19, уже пять лет...

— Еще никто не возвращался...

— Тс-с-с!!!

— Надо быть сумасшедшим, чтобы из рая возвращаться в ад...

— Я всем в Муллер-доме доволен, барон!

— Наш благодетель, наш Великий Отец и Господь...

— Ну конечно, все мы в руке божией, раз Он есть над нами...

— И Он простит нам, грешникам, наши заблуждения...

ДИНАМИК. Один мулلدор — девятьсот тридцать два дуката...

— Гляньте, Ваша милость, мулلدор упал!

— Упал!

— Впервые!

— Да, впервые!

— Уж не думаете ли вы?...

— Сохрани меня великое М!

— А что вам известно. Ваша милость?

— Ничего, ничего...

— Ну зачем же ломать комедию?

— Между нами, Ваша милость, может, происшествие в этом притоне, в «Эльдорадо»...

- Значит, по-вашему...
- Нет! Ни в коем случае! Вздор! Разве что-нибудь может угрожать Муллер-дому?...
- Конечно же, нет, но...
- Но?
- Муллеру лично доложили о том, что там произошло! Что-то невероятное, немыслимое...
- Если верить слепому Орсагу...
- Все в один голос твердят...
- Я сам ничего не понимаю!
- Чулков слышал голос!
- Орсаг его видел!
- Кого?
- Стекланный сосуд в виде человека!
- Существо из фарфора!
- Дьявола!
- Бога!
- Призрака!
- Чулков — старый обманщик!
- Орсаг накурился опиума! Тот человек был не из стекла и не из фарфора, а из паров опиума!
- А как же перестрелка с Незнакомцем?
- Бред пьяниц!
- А то, что Орсага вызвал сам Муллер?
- Тс-с-с-с!
- ДИНАМИК. Продам Муллер-дом...
- Слушайте! Слушайте!
- Муллер продает Муллер-дом!
- Возможно ли?
- Что происходит?
- А вы что, пан, не знаете? Он часто с нами, со своими подданными, этак шутит. Как говорится, шалости великих мира сего...
- Поистине Он прозорлив и великодушен! Поймите, сэр, Муллер не придает значения созданному им миру, даже пренебрегает им, более того, он готов в любую минуту разогнать всю здешнюю барахолку! Захочет — и Муллер-дом продаст, Ваше превосходительство... Хоть это и чудо из чудес...
- Продаст...
- Продаст...
- Продаст...
- Только для этого нужен еще и покупатель...
- И все-таки. Ваше Величество, с Его стороны благородно...
- Муллер — демократ!
- Филантроп!
- Скажите еще — социалист...

XXIII.

«Покупаю!» — Два голоса вступили в единоборство! — Петр Брок представляется Муллеру. — Свидание на улице Алисы Мур

Меж тем как по залу шелестели такие вот разговоры, динамик объявил второй раз:
— Продам Муллер-дом!

— Покупаю!!!

Этот голос грянул где-то посреди зала и вмиг разорвал завесу тайных намеков, перешептываний, перемигиваний. Это был камень, брошенный в зеркало, в котором до сих пор задумчиво и покорно отражался зал.

— «Покупаю»! Он покупает Муллер-дом!

— Возможно ли такое?

— Ведь всем известно, что это знаменитая шутка Муллера!

— Неужели здесь присутствует кто-то еще более могущественный, чем сам Муллер?

— Ведь что такое Муллер-дом? Золотой столб, одним концом вбитый в ад, а другим вознесшийся к небу!

Казалось, что даже голос, несущийся из хрустального хобота трубы, поперхнулся от неожиданности и умолк. На миг все сковала жуткая тишина. Потом оцепенение прошло, и хрустальная труба снова заговорила. Но теперь голос был совсем другой: твердый и жесткий. Не голос, а скрежет пыточных орудий:

— Пусть человек, который покупает Муллер-дом, выйдет вперед!

— Я здесь!

Петр Брок в этот момент действительно находился посреди зала. Он влез на гигантского прозрачного Атланта, держащего на плечах золотой шар. Статуя как бы таяла в воздухе, и шар парил в пространстве, словно гаснущее солнце.

Вот на этот шар Брок и уселся. Отсюда он мог безбоязненно задавать свои вопросы и выслушивать ответы. Брок отважился на этот ход в игре, инстинктивно ощущая близость Огисфера Муллера. Человека, который тем загадочнее, чем больше пытаешься его разгадать. И тем отдаленнее, чем ближе к нему подходишь.

Наконец— то я нашел место, где -можно с ним поговорить. Если из хрустального горла действительно звучит его голос, тем лучше! Победив его голос, который узнаешь среди миллионов других голосов, я наполовину справлюсь и с ним самим! Найти бы теперь губы, его рождающие! Ту изложницу, где он стынет и твердеет, как железо, — чтоб вонзиться в тела мучеников!

Динамик прохрипел:

— Кто ты?

Ото, как любопытен господин Муллер! Разве Он не всеведущ? Брок и сам толком не знает, кто он такой. А думать об этом — все равно что клещами сдавить виски, до хруста в костях... И потом, все это как-то связано с желтыми огоньками, возникающими в его снах! Нет! Думать об этом нельзя! Надо верить документам, которые лежат в бумажнике. Поэтому он должен бродить по Муллер-дому призраком, человеком без тела, голосом, который обязан совершить убийство во имя искупления!

Динамик снова захрипел:

— Кто ты?

И сыщик ответил:

— Петр Брок!

— Петр Брок? — презрительно повторил голос. — А я Огисфер Муллер!

— Твое имя меня не интересует!

Черные цилиндры у подножия статуи прямо-таки забушевали. На лицах застыло изумление. Чего добивается этот голос над их головами? Что это за Петр Брок, которого не интересует имя Огисфера Муллера?

Человека, которому принадлежит вселенная?

Человека, могущественного как бог?

Неужели он еще более могуществен, этот второй голос, который идет откуда-то из пространства и насмехается над самим Муллером?

Петр Брок!

Чье это имя — человека или нового бога?

Одно бесспорно — два голоса вступили сейчас в единоборство! Прощупывают друг

друга, пробуют силы перед будущей схваткой. Это чуял каждый. Но кто победит?

— Господин Муллер! Я хочу с вами встретиться!

— Пусть Петр Брок пойдет к Бону Арабу, агенту номер сто девяносто девять!

— Мне не нужен агент! Я требую встречи с Муллером!

— Что задумал голос, который покупает Муллер-дом?

— Сначала я хочу задать вопрос! Маленький вопрос на ухо! Почему это вы решили продать свой домишко, да еще так внезапно?

— Здесь вопросы задаю я!

— Только после меня, господин Муллер! Я знаю ваши дороги к звездам! Я проник в ваши кошмарные тайны! Звездный концерн «Вселенная»... Чем не крематорий? Сколько у вас акций, господин Муллер?

И как ни странно, уже другой, куда более старый голос задумчиво ответил Броку:

— Хорошо, пусть Петр Брок придет сегодня вечером на улицу Алисы Мур, триста пятьдесят четвертый этаж, комната номер девяносто девять.

— С кем он там встретится?

— С Огисом Муллером!

XXIV.

Святилище Огисфера Муллера. — Вино «Вознесение на небо». — Петр Брок снова искушает бога Муллера. — Три выстрела в ковер

Представившись таким образом всемогущему Муллеру, Петр Брок, однако, не решился сразу спуститься с золотого шара Атланта. Он дождался, когда толпа внизу поредеет и начнут гаснуть матовые гроздья на потолке. Лампы потухли неожиданно и все разом. Тьма, беспросветная, черная, варварская, заживо похоронила Брока!

Вот ужас! Как он отсюда выберется? Как найдет выход? Как вернется к принцессе, которую покинул на улице Берты Бретар?

Теперь он уже раскаивался в своем легкомыслии: а вдруг ей сейчас грозит опасность? Вдруг ему не удастся найти дорогу назад?...

Брок слез с шара на ковер и медленно двинулся вперед.

Внезапно его рука коснулась чего-то холодного. Ура! Это стена, которая выведет его к свету! Скорее вперед! Он зашагал, скользя ладонью по гладкому мрамору.

Наконец— то! Низкая дверь. Узкий коридор и снова дверь. Брок открыл ее. И увидел свет.

Что это — храм, варьете, музей, кофейня или, может, паноптикум? Черт его знает! На ярком цветастом ковре стоят круглые столики, а вокруг них — глубокие лиловые кресла на колесах. Над спинками торчат головы людей, которые курят или потягивают из серебряных бокалов какой-то горячий красный напиток. Аллея светящихся колонн ведет к возвышению, на котором под синим звездным куполом находится нечто вроде алтаря. Видимо, это и в самом деле алтарь, судя по симметричному расположению электрических свечей, цветов и пальм. Над алтарем в овальной раме из лампочек изображение толстого, одетого в пурпур человека. Он сидит на троне, в монаршем венце; борода у него окладистая, раздвоенная. В одной руке он, словно царскую державу, сжимает глобус, а в другой, вместо скипетра, — дом в тысячу этажей. Голову его окружает нимб из золотых звезд.

Это все тот же бодрый толстяк, чье изваяние Брок уже встречал на бирже. А здесь, над этим образом, полукругом горят фиолетовые буквы:

Господу Муллеру

Но больше всего Брока поразило то, что он увидел в нефях святилища, если, конечно, это был храм. В меньших по размеру алтарях стоят восковые фигуры святых и мучеников, которые качают головами, молитвенно складывают руки, шевелят губами, вращают глазами и неуклюже передвигают какие-то непонятные предметы.

В одном из алтарей стоит под стеклом восковая женщина в русом парике, белых ризах, с блаженной улыбкой на лице. Она глубоко и ровно дышит, грудь ее мерно подымается и опускается, а вот голова поворачивается трогательно и забавно, по-кукольному. У ног женщины тянет вверх руки коленапреклоненная девочка. Ее жесты совпадают с поворотами головы у девы в белом — вверх-вниз, вверх-вниз.

Что— то в этом зрелище поразило Брока до глубины души. Вначале он никак не мог понять, что именно. Только потом сообразил. Нечто подобное он уже видел. Когда-то давно, очень давно... он будто возвратился туда, где побывал много тысяч лет назад... Цепочка стеклянных гробов, а в них восковые фигуры героев прошлого, чье неспешное дыхание регулирует часовой механизм. Вот лежит полная белотелая женщина, скрестив ладони на белом холме груди, колышущейся в такт дыханию. Вот атаман разбойничьей шайки, вот убитый император, а рядом -знаменитый его убийца...

Где, где все это было?... И когда?

Брок напрягся, вспоминая, и почувствовал, как виски сдавило клещами. Не обращая внимания на боль, он зажмурил глаза и снова стал рыться в памяти. И вдруг увидел желтый огонек лампочки под балкой, изъеденные древоточцем столбы и серые нары, на которых что-то шевелится... Прочь! Прочь, кошмарный призрак! Ведь я же сейчас в храме, возведенном в честь всемогущего, вездесущего, двубородого господа бога Муллера! Здесь полно верующих, они лениво развалились в светло-лиловых креслах и в ожидании чего-то потягивают красный напиток. Чуть дальше высится кафедра в виде золотой лилии. И словно огромный, чудовищный пестик, торчит из нее жирное брюхо в лиловом облачении и голова в стеклянной девятирусной тиаре, в которой светится лампочка.

Брок заметил, что на мясистом лице двигаются губы. И только теперь обратил внимание на чей-то голос, который не мешало бы послушать.

Это молился жрец:

— О повелитель, владыка и монарх наш,
Ты, чье имя
Огисфер Муллер,
что значит «Вечный странник на пути к высотам»,
Ты, сотворивший дивное диво,
к кому изумляться будут
все грядущие поколения, — «Муллер-дом»,
мост, ведущий в небеса...
Повелитель, монарх наш, Огис Муллер,
заполняющий собою
все пространство мира,
дай услышать глас Твой,
укрепи усомнившихся...

Жрец откашлялся и возвел глаза к потолку, словно и впрямь ожидал, что сейчас прозвучит глас небесный. Но, так как никто на его призыв не откликнулся, он продолжил молитву:

— Да свершится воля Твоя
как на Земле,

так и на звездах.
Услышь молитву нашу, Великий Муллер,
единственный и вечный!
Узри, как смиренно молим Тебя!
Молви одно лишь слово,
и вином радости наполнятся
наши души...

Жрец глубоко вздохнул и в третий раз начал:
— Всевидящий, вездесущий, всеслышащий Огис Муллер,

Странник на пути к высотам,
бог всех богов,
повелитель и владыка всех звезд!
Средь миллионов выбрал Ты планету сию,
дабы пребывать на ней.
Небо Твое Ты создал здесь, у нас,
и планету нашу сделал
звездой-избранницей,
звездой божественной... Повелитель Огис Муллер,
Странник на пути к высотам,
услышь молитвы наши!

— Слышу! — раскатился под куполом могучий голос.

Жрец зашелся в религиозном экстазе, зазвонили колокола, грянул орган, послышалось пение. Верующие встали и подняли бокалы. Было ясно, что этот ритуал — часть храмовой службы и повторяется изо дня в день.

Жрец продолжал: — Господи боже, создатель Муллер-дома, царь Земли, властелин звезд! Все тайны вселенной и душ человеческих раскрываются пред Тобою, ибо сам Ты — величайшая из тайн мироздания. Ты зришь в глубины бесконечности и улыбаешься, ибо видишь там самого себя. Ибо беспредельно зеркало Твое. Ты зришь в глубины душ человеческих и плачешь, ибо видишь на дне их глыбы грехов наших и считаешь удары вероломных сердец... Ты, создавший Муллер-дом, мост, ведущий в небеса, отпусти нам грехи наши! — Отпускаю! — ответил глас божий.

Затем началась проповедь, длинная и утомительная, во время которой имя Муллера склонялось во всех падежах с тысячью различных эпитетов.

Наконец верховный жрец сошел с кафедры и, подойдя к главному алтарю, принялся взывать к обрамленному лампочками господу богу Муллеру, умоляя его сотворить в это великое мгновение какое-нибудь чудо.

И сверху раздался голос:

— Я сделал эту звезду сердцем вселенной
и вошел в тело человеческое на тысячу лет.
Пройдет время, и я снова уйду на другую звезду,
чтобы строить Муллер-дом -
дом в тысячу этажей.
Но вы, что поклоняетесь мне,
вкушая горячее вино
«Вознесение на небо» -
воплощение мое на этой планете, -
вы все будете жить на звездах
прекраснее и счастливее этой!

Для грешников, поносителей и врагов моих
я уготовил огонь и адские муки
в девяти мирах.
Но вам, дети мои,
я уготовлю райские кущи на звездах,
кои вы сами выберете
еще при жизни своей.
Поэтому говорю вам:
не жалеете этой планеты!
Не мешкайте, присмотритесь к звездам,
выберите себе блаженнейшие небеса!
Малoverные!
Ведь затем и вложил я солиум
в недра этой земли,
затем и создал корабли,
бороздящие океаны вселенной,
дабы приблизить к вам свод небесный
и повергнуть звезды к ногам вашим!
Тех, что веруют в меня,
ждет вечное
блаженство на звездах,
кои они сами выберут.
Аминь, аминь, говорю я вам,
собирайтесь в дальний путь,
не бойтесь расставаний!
Доверьте жизни свои
«ВСЕЛЕННОЙ»,
товариществу небесных перевозчиков.

— Своре работорговцев и сжигателей трупов! Не верьте Муллеру!

Это закричал Петр Брок. Решил еще раз спровоцировать этого фальшивого господина бога! Ему было безразлично, кто там говорит — сам ли Муллер или какое-нибудь подставное лицо; его возмутила бессовестная реклама, которую мнимый глас божий делает концерну сводников и работорговцев.

Безмерный ужас обуял верующих. Молния страха ударила в воспаленный мозг, пронзила громоотводы нервов. Падали бокалы, падали люди, теряя от ужаса сознание. А сверху неся голос:

— Явился дьявол, дабы искушать бога!

— Не дьявол и не бог, явился человек, чтоб встретиться с негодяем, развратником и убийцей тысяч людей! Весь Муллер-дом сплошной обман, сплошное мошенничество!

Ба— бах!

Выстрел!

Пуля свистнула над ухом Брока, словно бесстыжий уличный босьяк.

Еще выстрел!

Теперь перед носом, чтоб понюхал, чем пахнет. И ударила в ковер рядом с первой.

Берегись!

Стреляют сверху!

Голос Брока — вот мишень для кого-то там, наверху! Да-да, смотрите, из окошка высовывается рука с браунингом!

Может, там Орсак, который видит его своими височными линзами?...

Ба— бах!!!

Снова выстрел. Пуля снова угодила в ковер, рядом с двумя предыдущими.

Четвертого выстрела Брок ждать не стал. Он бросился к выходу, запруженному ошалелой от страха толпой. Брок вспрыгнул на этот клубок тел и прямо по спинам и головам миновал бурлящее ущелье портала, спустился по лестнице и первым выбежал на улицу.

Ну и ну! Перед ним опять был проспект Анны Димер, тот, в конце которого раньше стояла биржа на стеклянных столбах. Брок помнил, как из биржевого зала темным коридором проник в святилище Муллера, но совершенно не мог уразуметь, как они взаимосвязаны. Теперь вместо биржи в конце улицы высился храм со сверкающей надписью:

Господу Муллеру

Вот загадка так загадка, но Броку было сейчас не до нее, потому что его тревожил другой, более важный вопрос: что с принцессой, которую он так легкомысленно оставил на вилле «Тамара»? Не грозит ли ей опасность?

XXV.

Лицо принца Ачоргет. — Глаз Муллера в спальне принцессы. — Лифт в Гедонию. — Снова желтый огонек

Когда Брок прибежал к принцессиной вилле и стал сквозь прозрачные стены заглядывать в комнаты, оказалось, что все они занавешены изнутри шелковыми шторами, ниспадающими с золотых карнизов до пола. Из одной комнаты с лазурно-голубыми гардинами доносились два голоса — мужской и женский. В узкую щелку между занавесями Брок увидел сидящую принцессу, а напротив нее, на турецком диване, — мужчину.

Подкрасться к этой комнате, неслышно приоткрыть стеклянную дверь, скользнуть между складками шторы прямо на глазах у незнакомца — все это Брок проделал ловчее и проворнее, чем сам ожидал. Очутился он в будуаре.

Лицо, которое он увидел на голубом фоне занавеси, по меньшей мере вызывало удивление. И формой, и пропорциями оно отличалось от человеческого лица и могло появиться на свет разве что на какой-нибудь иной планете.

Само по себе оно, может, и было прекрасно, как прекрасна голова лошади, но в соседстве с привычным человеческим лицом повергало в изумление.

Это была физиономия необычайно узкая и длинная. Нос в профиль круто горбатился, словно клюв попугая. Глубоко посаженные глаза переливались желтым, зеленым, коричневым и синим, как бы обладая способностью по желанию менять цвет. Гладкая верхняя губа прямо-таки поражала своей непомерной длиной. Два седых клинышка элегантно подстриженной бородки были явно приклеены. Этот человек головы на две возвышался над принцессой; ноги у него были длинные и тонкие. Одежда на незнакомце — из белого шелка, как у теннисиста.

— Все зависит от вас, — говорил он, — ведь обо всем можно еще забыть. Ваш побег, принцесса, был смешон, но вызвал у Великого Муллера уважение к вам...

— А как он узнал о моем побеге?

Принц Ачорген сочувственно усмехнулся:

— Разве он не всеведущ? Неужели вы всерьез думаете, что ускользнете от его всевидящего ока? Он наблюдал ваш побег, следил за каждым вашим шагом точно так же, как сейчас наблюдает за нами со своего неба...

Ачорген с лицемерным благочестием указал на потолок, на круглую стеклянную

линзу.

— Это и есть его око? — ужаснулась принцесса.

— А как же! На всех этажах, во всех комнатах он смотрит на свой народ, днем и ночью...

— Но ведь и у меня в спальне есть такой же глазок в потолке! — вскричала принцесса. — Какое бесстыдство!

— Но разве бог может быть бесстыдным, он же всевидящ. Конечно, он заглядывает и в вашу спальню, так же как во все спальни Муллер-дома! Вы не должны его стесняться именно потому, что он знает вас так же хорошо, как муж жену, хотя он ни разу еще к вам не прикасался. Но теперь ему захотелось это сделать. Вы снискали его расположение! Идемте! Я поведу вас к нему!

— Никогда! — воскликнула принцесса, растерянно, словно в поисках спасения, озираясь по сторонам.

— Вы горды, — сказал Ачорген, и его глаза потемнели. — Таких женщин в Муллер-доме немного! А Муллеру как раз они и нужны. Танцевать вам больше не придется. Он предлагает вам полную свободу передвижения по всем этажам! Вы будете блаженствовать в райских уголках Гедонии, лишь обещайте ему одну-единственную ночь!

— Лучше смерть, — мрачно ответила принцесса.

— Именно такого ответа и ждет Муллер! Если б вы бросились к нему в объятия, он отшвырнул бы вас! Он обожает сопротивление, мятежи, измены, и не только у мужчин, но и у женщин! Он будет добиваться вас, пока вы будете упорствовать. А когда получит свое, то в лучшем случае посвятит вам одну из улиц...

Принц Ачорген поставил на стол, прямо под параболической линзой в потолке, маленький бронзовый светильник, поднес к нему спичку, и тотчас из светильника вырвалось пламя, а круглое окошко подернулось сизой пеленой.

Неожиданно принц, подняв голову к потолку, разразился злорадным хохотом. В глазах его блеснул зеленый огонь.

— Итак, моя милая, прекрасная Тамара! Огисфер Муллер на десять минут оглох и ослеп! Мы можем делать все, что нам заблагорассудится, — он не увидит... Не бойтесь Муллера, пока я с вами! Лишь я могу вырвать вас из его когтей! Видите? Ради одной вашей ослепительной, царственной улыбки я готов предать своего Повелителя!

Он хотел схватить ее за руки, но принцесса в ужасе отдернула их.

Принц сразу помрачнел.

— Не бойтесь меня! Я не обижу вас... Мне только хотелось показать вам мою силу! Но прежде я хочу заслужить вашу любовь! Пойдемте со мной! Я покажу вам изнанку Муллер-дома, все механизмы, благодаря которым совершаются чудеса, раскрою секреты Его невидимости, вездесущности и всеведения. Об этих премудростях знаем лишь мы двое, Муллер и я! Хотите идти со мной?

— Идите! Я с вами! — прошептал Брок и легонько погладил локоть принцессы.

А она вдруг схватила его руку и крепко ее сжала. Брок поспешил освободиться, но жуткая образина принца Ачоргена даже не дрогнула.

— Пойдете? — спросил он почти умоляюще.

Принцесса боязливо огляделась и тихо ответила:

— Пойду!

Когда в устланном мягкими коврами лифте они падали куда-то в пропасть, Брок почувствовал, что с его глазами опять творится что-то странное: стоило опустить веки, как ему виделся вокруг совершенно иной мир. И до того реальный, будто все это никакой не сон! Снова и снова являлась перед ним проклятая пещера пустого черепа, которая снилась ему еще тогда, в первый раз. Снова желтый огонек лампочки... Всевидящее стеклянное око Муллера обернулось в этом черепе дырой от истлевшего глазного яблока.

А вообще, эта дыра — окно в бараке, за которым воеет дикая снежная буря... Вместо тысячи этажей — три серых яруса нар, и на них, скорчившись, лежат люди. Подбородки

уткнулись в колени, дыхание согревает стынущую грудь... Но видение это возникает, лишь когда закроешь глаза. Достаточно их открыть, как сразу оказываешься в Муллер-доме. Падаешь в пропасть, стоя рядом с принцессой, и видишь перед собой птичью физиономию принца Ачоргена, который предал господа бога Муллера!

Сколько мы уже летим?

Осторожно!

Ни в коем случае не закрывать глаз!

Сон подкарауливает...

А чтобы убедиться, что твоя принцесса не сон, надо коснуться ее локтя, и она улыбнется в ответ...

Итак, мы летим в Гедонию...

XXVI.

Монте-Карло в Гедонии. — Балерина на пуантах. — «Не верю я в ваши звезды...» — Император Марлок, бог Великого Солнца. — Принцесса выигрывает. — «Это на дороге!»

Красный зал, выстроенный в форме безукоризненного конуса, тонет в море света. Посредине — круглый стол, а на нем кружится на пуантах балерина из слоновой кости. Подойдя ближе, Брок видит гладко отполированную мозаику из драгоценных камней, металлов и дорогих пород дерева. Это карта мира. По ней скользит балерина на бриллиантовых пуантах. Игроки делают ставки на цвет государств, империй и островов. Выигрывает тот, на чьей территории замрет в своем танце балерина. Если на воде, то выигрыш забирает владелец игорного дома. Чем меньше территория, тем больше выигрыш.

Стремительная балерина скользит на бриллиантовых пуантах через континенты, моря, острова. Витки спирали, по которой она кружится, становятся все уже, вот она пересекает Урал, танцует по Сибири. Затем сворачивает к югу, покачиваясь уже, одолевает пустыню Гоби и, обессилив, падает в Индокитае.

— Цвет лунного камня. Сингапур. Выигрывает двадцать девятый...

Все уставились на худощавое желтое лицо, зашептались:

— Маньчжурский наместник Ша-Ра...

На лице у того не дрогнул ни один мускул. Лишь черные искры раскосых глаз алчно следят за стекающим к нему золотом.

А балерина снова танцует, звенит золото, столбики золотых мулльдоров растут и снова рушатся...

Брок, стоя у стола, кладет руку на высокую грудку монет: захочу — и все это будет мое! Оказывается, могущество руки можно оценить, положив ее на кучу золотых! Не Текучие ли это горы, о которых там, наверху, упоминал старик? Труд одного рабочего в течение года ценится в один мулльдор! Немыслимый курс!...

— Один мулльдор равен шести миллиардам лир, — слышится за решеткой оконца, над которым написано:

ОБМЕН ДЕНЕГ

Брок взял из ближайшей кучи монету. На одной стороне ее было изображено солнце, на другой — звезды.

Но кто эти люди с раздвоенными бородками, которые щедрой рукой, словно зерна птицам, швыряют золото на пестрое поле карты мира?

— Смотрите, принцесса, — Ачорген склоняется к своей даме, — новый король Сицилии Малькольм Брукс-паша! А рядом — одноглазый, с золотым воротником, это хан Ламартен, арендатор Сахары. Он до сих пор всюду побеждал, лишь тут терпит поражение, в «Балеринке»... А вон тот в лиловом костюме, с треугольником на груди, Сикстус, святой епископ бога Муллера, в прошлом барышник. Кто этот негр? Боксер Кайман. Он как раз беседует с адмиралом Д'Артуа, который приобрел на время титул «императора всех морей и распорядителя океанов». А толстяк рядом — Дар-Густ, сезонный инспектор африканского побережья, ему эта игра по карману, ведь он управляет казной Муллера. За ним стоит лорд Эверс, негласный главный редактор всех газет старого континента. Вон тот сморчок с зеленой бородкой? У него на Марсе пароходная компания...

— Не верю я в ваши звезды! — вскричала принцесса, да так громко, что несколько бород испуганно повернулись к ним.

— Замолчите, ради бога, — злобно прошипел принц Ачорген, стиснув ее запястье, потом добавил уже спокойнее: — Услышь вас этот зеленобородый мозгляк, и вам была бы крышка!

— Разве они не знают, что это обман?

— Тихо, тихо! Все знают и тем не менее делают вид, что верят... Такова воля нашего благодетеля! — неожиданно выкрикнул принц и с опаской глянул на круглое окно в потолке.

В этот момент к нему подошел красивый величественный старик. Его совершенно голый череп блестел от пота, отражая хрустальную люстру, подвешенную к вершине конуса.

Руки мужчин слились в пожатии.

— Слава Муллеру, цезарь! — сердечно воскликнул Ачорген. — Что нового на вашем солнце?

— Спасибо за внимание, принц, — ответил старик, и кожа его от лба чуть не до макушки собралась в морщины, — с ним одни заботы... Я был там неделю назад... И честно скажу, ох и трудно же быть справедливым богом! Я прекрасно понимаю Великого Муллера, когда он жалуется мне на бремя своих божественных деяний...

— Это принцесса Тамара, — представил Ачорген. — Император Марлок, бог Великого Солнца А-111.

— Слышал, слышал о вас, принцесса, — усмехнулся череп. — Вы, говорят, побывали на ЗЕТЬ-1... в созвездии Гномов.

Принцесса хотела было возразить, но Ачорген опять стиснул ей руку и поспешно сказал:

— Неудивительно, принцессе захотелось маленьких живых куколок, решила привезти в детскую живые игрушки. Она ведь еще ребенок... — И тотчас спросил, меняя тему: — Ну а вы? Везет вам в «Балеринке»?

— Я неизменно ставлю на черную территорию Индостана, — ответил голый череп, — один раз выиграл, и этих денег мне хватит еще на четыреста шестьдесят восемь проигрышей. Страна-то маленькая, принц.

— А вы хотите сыграть? — спросил Ачорген у принцессы.

— Что же, пожалуй, сыграю, — принцесса улыбнулась как во сне, — и поставлю на свою страну! Она лежит на берегу Балтийского моря, там правит мой старый отец...

— Я бы вам не советовал, — сказал принц. — Смотрите, какую ничтожную часть карты мира занимает ваша страна. Словно комар на теле мамонта...

— И все же я поставлю на королевство, которое проиграла... Быть может, сбудется моя заветная мечта...

— Если выиграте, — усмехнулся Ачорген, — к золоту, которое вы получите, я добавлю эту вашу «империю»!

— И я вернусь домой? — наивно спросила она, прижав к груди руки.

— Ну конечно! Я сам вас туда отвезу на своей ласточке, — шепнул принц ей на

ушко.

Принцесса сделала ставку на красное, едва заметное пятнышко, на которое еще никто никогда не ставил. Потому и выигрыш должен был быть немислимо крупным.

Балерина вновь закружилась, начав свой танец с Острова Гордыни, из сердца мира. Бриллиантовая туфелька скользит по морям и по суше, а за ней неотступно следят лихорадочно блестящие глаза. Она проносится по лазури океанов, чуть замедлив стремительный бег, оставляет позади серое поле Балкан, преодолевает в танце горы и реки, уходит все дальше на север, и никто не видит руки, что направляет ее бег...

Но вот будто внезапная судорога сводит ее тело, предвещая близкое окончание танца. Последние нетвердые движения, и балерина падает, уткнувшись пуантами в красное пятнышко на берегах Балтики.

Это дело рук Брока.

Принцесса забирает целую гору золота и отходит от стола, провожаемая восхищенными взглядами.

— Это на дорогу! — радуется Тамара, меж тем как Ачорген обменивает золото на крупинки солиума, прячет их в мешочек и поспешно тянет принцессу к двери.

Следующий зал напоминает шестиконечную звезду, лучи которой удлиняются, отражаясь в зеркалах. Стол посредине повторяет форму зала, и на нем тоже кружится белая балерина.

Брок присматривается: здесь уже нет карты мира, здесь черное небо, усеянное звездами. И игра идет на звезды. Брок не прочь вникнуть, но времени нет. Принц Ачорген быстро пересекает зал, увлекая за собой принцессу.

XXVII.

Опочивальня блаженных снов. — Культ наслаждений. — Небожители под прозрачным потолком — беспокоятся. — Откушенный палец

Перед ними новое, не менее удивительное помещение, одновременно и спальня и киностудия.

На роскошных диванах в полной прострации лежат спящие люди. Их открытые глаза наполовину вылезли из орбит, зрачки чернеют, точно кляксы на промокашке. Над ними корячатся на штативах кинокамеры, вертятся катушки с пленкой, объективы направлены прямо в глаза спящих.

— Это опочивальня блаженных снов, — пояснил Ачорген, — сонные порошки, которые сюда контрабандой завозят из Вест-Вестера, странным способом воздействуют на человеческий глаз. В зрачках людей, одурманенных такими порошками, можно увидеть их волшебные, причудливые, невероятные сны. Кинокомпания «СОНФИЛЬМ» нанимает этих несчастных, которые уже умом повредились от непрерывного употребления губительных пилюль и порошков. Снятые в их зрачках сны-кинокартины демонстрируются затем на шелковых экранах гедонийских кинотеатров.

Ачорген наклонился к принцессе и доверительно сказал:

— Я покажу вам фильм, снятый со зрачков одного наркомана (он принимает исключительно таблетки «Фока»), и вы будете поражены, сколь изобретательна любовь в своих фантазиях! Вам одной я могу открыть тайну, что «СОНФИЛЬМ» использует эти цветные объемные ленты, чтобы продемонстрировать переселенцам эротику на несуществующих звездах...

Потом они очутились в огромном помещении, так ярко освещенном, что на мгновение Брок ослеп. Когда же он наконец освоился, то лавина впечатлений буквально ошеломила его.

Во— первых, сверху падали розы. Собственно, даже не розы, а розовые снежинки,

которые устилали высокие яркие холмы и гнезда всевозможных форм, размеров и оттенков, сооруженные из резиновых подушек.

И тотчас же в ушах Брока сладко запела приглушенная, словно доносящаяся из подземелья, музыка, трогательная в своей обманчивой отдаленности — то ли скрипка играет на вершине высокой горы, то ли виолончель плачет на дне пропасти...

Он подставил ладонь под розовые хлопья, которые разбрасывал хрустальный фонтан в центре зала, и почувствовал упоительно-жгучий холод; это было как огонь в лютый мороз, как прохлада среди зноя. Его словно пытали жаждой и в то же время эту жажду утоляли...

Вокруг, утопая в подушках, возлежали мужчины и женщины. Жемчужные ожерелья да повязки на бедрах были единственной их одеждой. Они хватали розовые хлопья губами, подставляли им тела. Нагие рабыни приносили на головах золотые блюда с дивными лакомствами и плодами.

Все взгляды были прикованы к потолку. Что же их увлекло? Вместо потолка — прозрачная плита, а на ней танцуют обнаженные мужчины и женщины. Бедра колышутся в ритме музыки, веки сомкнуты в ожидании любви и вожделиний, ноги гнутся так, словно в них нет суставов.

— Это жрецы культа наслаждений, — объясняет Ачорген принцессе, которая прячет лицо в ладонях. — Отведайте этих хлопьев, снег любви со звезды АНДРАДИЯ. Он растает на кончике языка, и вы даруете прощение всем, кто поклоняется богине Андрадии.

Он сжал локоть принцессы и поднес ее руку к струе фонтана. А принцесса, затрепетав, подставила под розовые хлопья лицо. Словно в дремоте, она закрыла глаза и разомкнула губы. Ачорген победно улыбнулся.

— А теперь, моя девочка, взгляните вверх! Там вы должны были танцевать — на ваши бедра глазели бы эти бесполое хлюпики! Теперь же вы сами можете всем этим насладиться. Вы узнаете блаженства иные, более утонченные, ведь мы только начали свой путь по небесам!

Принц Ачорген обнял принцессу за талию и мягко прижал ее к себе. Она не сопротивлялась. Если бы в это мгновение Брок посмотрел в ее глаза, то увидел бы, как веки ее трепещут от желания, как с ее губ, разомкнутых страстью и жадно ловящих розовые хлопья, срываются хриплые вздохи...

Но Брок этого не видел. Среди запорошенных розовым снегом сибаритов он узнал лживую маску добряка адмирала в темных очках. Тот с упоением потягивался, по пояс утопая в мягчайших подушках, а на голой груди лежала серебряная звезда. Броку очень важно было знать, о чем он разговаривает с окружающими его «голышами». Все они лежали навзничь, лениво глядя вверх и изредка стряхивая с себя капли растаявших снежинок.

— Вы верите в чудеса, адмирал?

— Чепуха!

— А как вы объясните все то, что происходит сейчас в нашем Муллер-доме?

— У нашего Великого Муллера и враги великие! Он может ими гордиться...

— До сих пор он уничтожал каждого, кто вставал на его пути!

— Но на этот раз опасность грозит с другой стороны...

— Вы хотите сказать — сверху? Да, синьор?

— Пока что над нами — чудесные картины... Революция стройных ножек, волнение крутых бедер...

— Смотрите, кардинал, вон те прелестные ножки я бы узнал среди миллионов...

— Сула Мая... даже танцевать научилась...

— А вон те девичьи икры...

— Хе-хе-хе! Разве вы их еще не целовали?

— Муллер не боится даже дьявола...

— Не сомневаюсь. Но, прежде чем уничтожить этого дьявола, он должен его увидеть!

— Смотрите! Танцует Анна Мартон! Неземное зрелище!

— Восставшие рабы спустились на шестьдесят этажей!

— Каждый день по этажу!

— Ну, значит, их отделяют от небес еще два года! Говорят, Витек из Витковиц сошел с ума...

— Ничего подобного. Он убит!

— Отравлен!

— Я слышал, что он за одну ночь на пятьдесят лет постарел!

— Смотрите! Кая Барардо танцует в «Балеринке» на карте мира!

— Она обошлась мне в шестьдесят тысяч... Я сто раз ставил на Сирию — и каждый раз проигрывал!

— Как по-вашему, адмирал, кто ж это отважился?...

— Слышен голос...

— Но тело-то где?... Тело, из которого брызжет кровь, которое можно свалить на землю?

— Человек без тела!

— Вздор!

— Это бог!

— Он могуществен!

— Загробный голос!

— Зов космоса!

— Враждебная сила звезд!

— Метафизика тут ни при чем, сэр! Это опасность куда более страшная, чем все голоса и силы звезд и земных недр! Это человек!

— Человек? Вы сошли с ума!

— Не один человек, а группа людей, которые проникли в наши ряды, ряды служителей Муллера! Они ходят среди нас, вместе с нами поклоняются Муллеру и чтят его, посещают наши клубы, у них хватит золота, чтобы раскрыть все тайны Муллер-дома! Да, джентльмены, среди нас находятся предатели!

— А схватка в «Эльдорадо»?

— А словесная дуэль на бирже?

— А позор в святилище Муллера?

— В «Эльдорадо» стреляли!

— В храме тоже!

— Тайна «Вселенной» раскрыта!

— Ее акции упали с сорока тысяч до двадцати!

— У меня сотня акций!

— Если мы не уничтожим эту силу, она уничтожит нас!

— Чего вы боитесь? С нами Муллер!

— С нами он и падет!

— Тс-с-с!

— Господа, я знаю, как зовется эта чудовищная энергия, которая способна нас погубить!

— Как?!

— Петр Брок!

— Ну еще бы, ведь он сам себя так назвал, когда Великий Муллер на бирже спросил, с кем имеет честь!

— А сегодня, сегодня они якобы встретятся на улице Алисы Мур в номере девяносто девять!

— Муллер и Брок!

— Девяносто девять — это зал пустых зеркал!
— Электрический пол с провалами люков-западной!
— Там сошел с ума Вернер, вожак первого мятежа...
— Там исчез Андре, непокорный редактор «Верхних этажей»!
— Оттуда так и не вышел предатель Олим!
— А если голос не придет в номер девяносто девять?
— Придет!
— А вдруг он не найдет дорогу?
— Но он же всюду!
— Значит, он вездесущ?
— Как господь бог Муллер!
— Стало быть, это новый бог!
— Стало быть, он находится и в этих стенах — среди нас!
— Попробуйте позвать его. Вот увидите, он откликнется!
— Нет! Зачем? Стоит ли играть с дьяволом!
— Муллер над нами. Чего вы боитесь?
— Танцует Дора О'Брайен, красивейшая женщина Парижа!
— Труссы! Ненормальные! Я позову его!
— Тише! Ради всех звезд, тише!
— ПЕТР БРОК!
— Остановитесь!
— Петр Брок! Если ты, чучело гороховое, находишься среди нас — явись!
— Молчите! Молчите!
— Если можешь, сотвори чудо, и я поверю в тебя!
— Хватит!
— Петр Брок! Я — банкир Салмон, вот моя рука. Если ты так могуществен (банкир поднял руку вверх), укуси меня за средний палец!

Тотчас же банкир заорал нечеловеческим голосом. Мгновенная острая боль — оборван нерв, фонтан крови, и средний палец с широким черным перстнем падает на блюдо, окропив белый салат из съедобных гиацинтов.

Все обмерли от ужаса.

Бледные щеки покрылись красными пятнами, красные посинели, синие от страха стали черными.

Но что Брок до гримас этого похотливого сброда под прозрачной плитой? Среди смятения и паники, обуявших поклонников богини Андрадии, он увидел принцессу: Ачорген подхватил ее на руки и устремился в направлении, противоположном тому, куда бежали остальные.

Петр Брок бросился вдогонку.

Принцесса исчезла в углу за тяжелой коралловой портьерой. Брок откинул ее и натолкнулся на белую дверь.

Он открыл дверь, но ничего не увидел.

XXVIII.

Белая тьма. — Запахи и воспоминания. — Снова огонек лампочки. — «Это мое прошлое!»

Молочно — белый, с опаловым отливом туман преградил ему дорогу. Брок в нерешительности остановился, протер глаза и начал ощупывать руками пространство вокруг себя.

В трех шагах от него растворились две фигуры — черная и белая, Ачорген и

принцесса. Брок прыгнул в туман, вытянув вперед руки, но поймал пустоту. Белая тьма ослепила его. Опаловая тишина оглушила.

Он ринулся в ту сторону, где исчезла принцесса. Он кричал и размахивал руками, как птица сломанными крыльями. Туман начал душить его, звенел в ушах странным напевом. Нет, это не туман! Это клокочет кровь в его жилах!

С каждым шагом страх все сильнее овладевал им. Ноги подгибались, отказываясь идти; кругом, везде и всюду, ему чудились жуткие опасности. А он все шел вперед, долго-долго, и конца не было его дороге...

Внезапно Брок остановился. И вперед шагнуть боязно, и назад повернуть — тоже! Он тонул, тонул в трясине белой тьмы, один, покинутый всеми, растворялся в беспредельности тумана. Он уже погиб, белая тьма пожирает его, пропитывает, заполняет. Его труп будет лежать здесь долго-долго, пока не исчезнет наконец это белое ничто и сюда не явятся люди, которые, не видя его, пройдут по его останкам.

Мочи нет идти дальше. Ноги увязли в тяжелой густой мгле. Брок упал наземь и заплакал.

И вдруг — что это? Странный запах щекочет ноздри. Запах так силен, что дурманит Броку сознание, действует на мозг, как алкоголь. Навевает дремоту и будит воспоминания, рисуя удивительные картины. Но откуда такой аромат — еле слышный и сладкий? Это скошенная трава на лесной опушке. Запах от копен поднимается к солнцу, как дым из жертвенников.

Я тоже лежу на этой опушке, под головой сено, в волосах сено, и весь я усыпан сохнувшими горными травами, тимьяном, шалфеем, ромашкой.

Но стоит открыть глаза, и я вижу туман, густой, как сметана. Вспоминаю... Принцесса убежала, и музыка играет где-то в центре вселенной... Но этот запах, откуда он и что означает? Дивная мелодия запаха, которая дразнит и мучает еще сильнее, чем далекие, грустные звуки виолончели и скрипки...

В лицо веет лесными испарениями — мхом и хвоей, ягодами и древесной смолой. Я вижу родник в зеленом кружеве папоротника. Лесные птицы да олени пьют здесь воду...

Но вот и лесные запахи растворились в белом тумане. И откуда-то уже пахнуло другим запахом. словно подул ветер, захлопал парусами. Свежее дыхание моря. Запах соли, рыбьей чешуи, тающего в теплых водах ледника. Загадочный аромат неведомого острова, мимо которого плывет корабль. Остров обитаем, ибо до меня доносится запах пота и дыма очагов. Но и это ощущение исчезает.

Теперь я вдыхаю совершенно иной запах, который будит странные, давно забытые грезы. Жар кухонной печи, душистый пар, поднимающийся от горшков и возвещающий близость обеда... И вдруг — сквозняк из распахнутой двери. Чей-то голос кричит: «Война!» И опять все исчезает, без возврата.

А вот сейчас — цветут ландыши... нет, это не ландыши, это духи любимой, которыми она окропила грудь. Она склоняется ко мне, и я зарываюсь лицом в ее волосы, чтоб ощутить новые запахи...

Ну а это — аромат ночи. Аромат луны, боже мой, ведь это — расставание... это зеленый аромат озера, нет, слез! Это плачет любимая...

Запахи быстро сменяют друг друга.

Дымный смрад пыхтящего паровоза.

Тяжелый дух из теплушек — шесть лошадей, тридцать человек...

Убийственное зловоние — грязь, водка, пот, отхожие ямы.

Даль.

Свежеразрытая земля.

Порох.

Пожарища.

Кровь.

Гнилостный дух отбросов, консервных банок, гноящихся ран, карболки, вонь

раздавленных клопов, запах тлена, черные пятна обморожений, гниющие под грязными повязками.

Под потолком смердит желтая керосиновая лампа...

Брок вскочил. Это... это же мое прошлое! Воспоминания, которые я утратил. Скорее! Скорее! Он взмахнул руками. Ничего! Белый туман. Черная принцесса...

Нет иного прошлого, кроме Муллер-дома...

Брок воспрянул духом и устремился вперед, вперед... и вдруг — вытянутая рука натывается на мягкую шелковую ткань. Резкий взмах — и Петр Брок замирает в изумлении.

XXIX.

О звезде Аюргенетеррамолистерген. — Принцесса Тамара готова полюбить принца Ачоргена. — «...наше ложе ждет...» — Петр Брок снова пользуется своей невидимостью

Он стоял на пороге голубого будуара принцессы. Круглое око Муллера, глядящее с потолка, снова подернуто сизой пеленой. Но светильник на столе давно угас. На синем диване сидит принцесса. Она переделалась в голубое платье, под цвет штор на стенах. В руке у нее сигарета, к губам, раскрытым в дерзкой, вызывающей улыбке, она подносит высокий бокал с вином. Огонек сигареты описывает широкую дугу. Хрустальный бокал и горло принцессы — теперь это один прекрасный сосуд.

Но самое ужасное, что ее тонкую талию обнимает длинная рука принца Ачоргена! А принцесса смеется! Хохочет над чемто, запрокинув голову. Рука Ачоргена обвиняет стан принцессы, точно удав, который душит свою жертву. Он целует ее волосы и шепчет:

— Моя звездочка, мой серебряный колокольчик, выпей еще, это напиток из хмельного ледника моей родной планеты. Ты все это уже знаешь... Я родился на звезде Ачоргенетеррамолистерген, запомни хорошенько, ты должна это помнить, такова моя воля! Может быть, ты не веришь?

— Нет, верю...

— Теперь ты веришь в звезды?

— Я верю всему что ты говоришь!

— На дне бокала — образ моей звезды. Ты будешь видеть ее каждый раз, как допьешь до дна. Пей!

Принцесса послушно выпила и снова засмеялась.

— Хватит, хватит смеяться! Уйми свой звонкий смех! Дорогая моя? я буду любить тебя так, как любят на звезде Ачоргенетеррамолистерген. Я научу тебя любви, и ты явишь мне свою любовь...

Рука — удав ползет по груди принцессы вверх, к шее.

— Хочешь?

— Хочу!

— Дай мне свою ручку, я покрою ее поцелуями... может статься, ты будешь из-за меня страдать, но твоя любовь излечит тебя. Самочка моя земная, ты любишь меня, в самом деле любишь?

Принцесса, ласкаясь, кладет голову ему на плечо.

— Целуй меня, Тамара! Прикоснись к моим губам, ведь так начинается любовь на этой звездочке!

Она страстно обвила руками шею Ачоргена.

Брок закрыл ладонями лицо и в ужасе отвернулся. Возможно ли это? Принцесса Тамара, его принцесса, томящаяся в этой вавилонской башне, ждущая освобождения, бесстыдно целует это чудовище своими чистыми, невинными устами!

— Смотри, милая, наше ложе ждет нас!

Принцесса встает...

Еще бы, он принц, а кто такой я? Ничто, незримое ничто! Но ведь я для того и проник в Муллер-дом, для того и согласился на эту метаморфозу, чтобы найти, защитить и вызволить ее! Разве я не обещал, что буду ее охранять? Ведь она чувствовала мое прикосновение! А ее загадочная улыбка — разве это не был ответ на мои слова?

О бесстыжая предательница!

Единственный мой светлый луч в Муллер-доме погас! Ах! Как я мог мечтать о ее любви?... Кого, кого ей любить, я же невидим!!

Прочь! Прочь отсюда!

Еще один, прощальный взгляд на принцессу. Закинув тонкие руки за голову, она стоит перед зеркалом и смеется...

Господи, по что же случилось с глазами принцессы? Они прикрыты тяжелыми веками! Принцесса смеется, закрыв глаза! Губы звонко хохочут, а глаза — спят...

Теперь только Брок понял, в чем дело!

Гипноз!

Он увидел в зеркале, как жгучий взгляд Ачоргена сверлит принцессу.

Тут уж Брок не стерпел, в ярости бросился к Ачоргену и со всей силы двинул прямо по длинной верхней губе. Кулак сам собой выбрал для удара наиболее чувствительное место. Чудище беззвучно рухнуло на пол. Брок разорвал ближайшую занавесь и связал Ачоргена по рукам и ногам. Потом куском той же занавеси заткнул ему рот, запихнул безвольное тело под кровать и только после этого повернулся к принцессе.

А принцесса ничего не видела и не слышала. Машинально она продолжала исполнять гипнотические приказы того, кто мешком валялся сейчас под кроватью. В шелковых складках трепещут ее пальчики, будто в них зажаты ключи от потайных дверей, скрытых в облаках белизны. Принцесса раздевается... Брок хочет крикнуть, предупредить ее, разбудить, но тут...

XXX.

Принцесса Тамара думает, что она одна. — Осторожнее, Петр Брок! — Руки можно схватить руками

...Тут он увидел в зеркале, что она открыла глаза. Принцесса тоже увидела в зеркале странное свое пробуждение и в замешательстве вглядывалась в серебряную гладь стекла. Она словно очнулась от тяжкого сна. Растерянно посмотрела по сторонам, протерла глаза. И окончательно смахнула сон, который хотела удержать. Белые подушки под голубым балдахинном манят ее... Брок с напряженным вниманием наблюдает за ней, а она медленно, бездумно раздевается, считая, что в комнате, кроме нее и зеркала, никого нет.

Что же делать? Нет, теперь уже себя не раскроешь... Поздно!... Но я буду зорко охранять ее сон. Ведь она даже не догадывается, что под кроватью у нее лежит с кляпом во рту это чудовище, Ачорген. А вдруг он очнется и вырвется на волю?

Я должен остаться здесь, на страже!

Он притулился в углу, стиснув зубы и затаив дыхание. И вдруг от безумной мысли у него потемнело в глазах.

Розовая ленточка бежит по кружеву сладостным обещанием... Нет, гони ее прочь, эту мысль! Только приблизиться к ее устам — о блаженство...

Ее волосы, губы, глаза — какой дивный цветок расцвел на стебле белой шеи! Лицо — это самое прекрасное, самое драгоценное, что есть у женщины, ее глаза волнуют и влекут... Но вот она улыбается и становится еще краше, ибо ко всем оттенкам добавляется еще один, до сих пор спрятанный в бутоне, — белоснежный, фарфоровый!

Туфельки уже качаются на кончиках пальцев и падают. Сверкнули колени, икры, и тончайшие чулки сброшенной змеиной кожей легли на пол. Гладкое зеркало отражает прелестные руки принцессы и грудь, едва прикрытую пеной кружев.

Затаив дыхание, Брок следит за этой шаловливой игрой.

Принцесса потягивается с ленивой улыбкой в своем победном одиночестве. Словно она устала от долгого притворства и с наслаждением сбросила маску, чтобы дать отдохнуть лицу и опять ненадолго стать самой собой!

Ласковый лепет, трепеща точно мотылек, слетает с ее губ:

— Я принцесса... нет, не принцесса...

На холодной поверхности зеркала слова превращаются в туманное облачко. Она стирает его ладонью и смотрит на себя, будто впервые в жизни.

Брок едва владеет собой, кровь глухо стучит в висках. Но комок страха подступил к горлу. Как открыть принцессе свое присутствие? Ведь стоит вымолвить слово — и чудесное видение исчезнет!

Ну да ничего — Петр Брок заготовил тысячи слов, которыми он засыплет, уговорит принцессу. И все же — не окажутся ли беспомощными все эти нежные слова, если она не увидит глаз, в которых можно утонуть, не ощутит человеческого тела, в котором пульсирует горячая кровь?

Принцесса подходит к постели, откидывает покрывало, разглаживает подушку — и вот уже в сладкой истоме падает на нее. Руки она кладет под голову, взор устремляет вверх, но, погруженная в свои мысли, не видит золотых звезд, вытканых на голубом балдахине. От этих мыслей пылает лицо и голова идет кругом.

Брок на носках, едва касаясь пушистого ковра, крадется к принцессе. Склоняется над ней. Она смотрит на него огромными неподвижными глазами и все же не видит его. Мгновение — и его пылающие губы касаются ее влажного, полуоткрытого рта.

Как странно! Ничто не дрогнуло на лице принцессы. Только взгляд сразу стал внимательным, острым, будто мысли ее вернулись из дальнего далека. Она протянула к нему руки, но на этот раз Брок сумел ускользнуть. Когда опасность миновала и разочарованные руки снова упали, он отважился на новый шаг: прижался губами к ее шее.

Принцесса лежит тихо, не шевелясь, как зачарованная. Даже дышать боится, чтобы не спугнуть дивный сон...

Не забывай, Петр Брок, у принцессы тоже есть руки, и теперь тебе от них не ускользнуть. Вот твои волосы, твоё лицо, а вот, вот твои руки, каждое прикосновение которых выдает тебя принцессе! И руки эти можно схватить руками...

XXXI.

Петр Брок лжет. — «...У меня еще нет лица...» — Муллер напоминает Броку о встрече, — «...жду тебя...»

Их руки встретились, и губы снова слились в поцелуе. Принцесса шепчет:

— Кто ты, кто ты?

Брок молчит.

— Скажи, ты — тот бог, который охраняет меня?

— Да, бог. — Брок малодушничает от страха потерять завоеванное.

— Бог, — повторяет принцесса, — а какой бог?

— Добрый, — шепчет Брок, радуясь, что нашел меткое слово.

— Я знаю, что добрый, но молодой ли?

— Молодой... — Вот и пришла пора дать ответ! Сейчас все выяснится, без утайки...

Но чутье подсказывает Броку, что он выдержит этот экзамен, обязательно выдержит...

— Молодой, — повторила она, — и красивый?

— Понятия не имею. — честно признался Брок

Пальцы принцессы скользнули по его лицу. Вот нос, губы, глаза... но как на ощупь обнаружить молодость и красоту? Будь она слепая, наверно, скорее увидела бы все это своими ладонями. А так — глаза не видят, и руки тоже не могут воссоздать его образ.

— Я хочу видеть тебя! Глазами! — потребовала принцесса. — Покажи мне свое лицо!

— У меня еще нет лица. Я пришел встретиться с Муллером...

— Тише! Тише! -встревоженно прошептала принцесса и поцелуем закрыла ему рот.

— Чего ты боишься, Тамара?.

— Он! Он! Он все слышит! Глаз его над нами, может, и закрыт, но уши его подслушивают сквозь каждую щель!

— Ну и пусть! Я здесь для того, чтобы охранять тебя, принцесса!

Она улыбнулась, вспомнив о чем-то.

— Первый раз ты подошел ко мне в бархатном зале, когда я теряла сознание от этого страшного газа. Я видела белый дым, слышала, как он с шипением рвется из оловянной трубки. Помню невыносимо яркий фиолетовый шар, заломленные руки, маски смертельного ужаса, падающие тела... Я пошатнулась и тотчас почувствовала, как чьи-то руки подхватывают меня и уносят на звезды. Это был ты... Второй раз ты подошел, когда я стояла у стены. Ты сказал: «Не бойтесь! Ни о чем не спрашивайте! Я с вами!» А что было с теми, кто остался?

— Там у них огромная печь, и в ней человеческие тела, сердца, глаза превращаются в кучки серого пепла, который затем развеивают по ветру, на все четыре стороны. А еще ходят слухи, будто из костей делают пудру.

— А я-то, дурочка! Хотела убежать на звезды... — прошептала принцесса, и глаза ее померкли. — Я вначале думала, что ты прилетел ко мне со звезды Лебеда. Оттуда я получала тайные записки, когда еще жила с отцом. Значит, нет ни звезды Лебеда, ни созвездия Гномов...

— Обман! Величайший обман — весь этот Муллер-дом от фундамента до крыши, если у него вообще есть хоть какая-нибудь крыша. Международная банда работорговцев и сжигателей трупов...

— А откуда взялся ты?

Она снова ощупывает, гладит пальцами его лицо.

И Петру Броку вдруг становится невыносимо стыдно за свой обман. Он выдает себя за бога, чтоб добиться ее любви! Страстный его порыв давно уже утих, теперь каждый ее поцелуй отзывался в нем глубокой благодарностью...

— Я не бог, — покаянно признался он, — я просто человек, обыкновенный мужчина!

Она провела рукой по его волосам.

— Разве же не лучше молодой мужчина, чем старый бог?... Я хочу тебя видеть!... Открой мне свое лицо!... Нет, ты не человек! Ты принял образ человека, ибо ты обнимаешь и целуешь меня. Но почему, почему я тебя не вижу? А! Придумала! Я приготовлю гипс и сделаю себе слепок с твоего лица, ведь так любить нельзя... нельзя...

— погоди, Тамара! погоди, скоро ты меня увидишь! Я выполню свою миссию и стану человеком! Сегодня вечером я должен быть на улице Алисы Мур, триста пятьдесят четвертый этаж, номер девяносто девять... Я совершенно утратил чувство времени... Нет для меня ни дней, ни ночей... Когда Муллер сказал мне свое «сегодня»? Кажется, от этого «сегодня» меня отделяют многие часы! Может быть, я уже опоздал?... Скажи мне, что сейчас -день или ночь? Неужели нет на свете ничего, кроме Муллер-дома? Скажи мне, существует ли еще солнце... скажи, светит ли над Муллер-домом луна?... Тридцать дней... На каком я сейчас этаже? Как мне найти Муллера? Как его убить?

И вдруг сверху раздался голос:

— Петр Брок! Этаж триста пятьдесят четыре! Комната девяносто девять. Я жду тебя!

Брок вскочил, поднял глаза к потолку. Выпученное «божье око» уже очистилось от мутной пленки и ехидно тарачилось на него. Еще бы! Миллион глаз, миллион ушей рассеяны по тысяче этажей! Но голос — неужели и голос его может дойти до спальни принцессы? Откуда он знает, что я здесь, у ее ложа? Или в эту минуту его голос звучит на всей тысяче этажей? Брок даже содрогнулся.

— Ты слышишь, принцесса? Он зовет! Настал мой час! Ты же оставайся здесь.

— Я пойду с тобой!

Она спрыгнула с кровати и трясущимися руками начала одеваться.

— Нет, нет, останься!... Я поговорю с ним и вернусь к тебе!

— Ты не вернешься! Он убьет тебя! Тысячи коварных ловушек стерегут тебя в комнате девяносто девять!

— Знаю я его ловушки! Зал пустых зеркал! Яма-западня! Я поговорю с ним среди пустых зеркал!

— Но как ты туда попадешь? Ты хоть знаешь дорогу на триста пятьдесят четвертый этаж? Нет? Видишь, до чего ты без меня беспомощен! Какой же ты бог? Станный ты мой, невидимый... Идем! Я сама отведу тебя к лифту.

— Веди меня, Тамара! Покажи мне дорогу, пока не поздно. Ведь сдержать слово — значит показать свою силу.

И они пошли, взявшись за руки.